

УДК 314:332

DOI 10.52928/2070-1632-2026-75-2-35-44

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**Р.Д. САРВАРИ***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3001-1950>

Статья представляет собой теоретико-методологическое исследование репродуктивного поведения, намерений и факторов рождаемости в контексте их влияния на социально-экономическое развитие и демографическую безопасность. Анализируется необходимость формирования инклюзивной среды для будущих родителей и компенсации издержек, связанных с исполнением родительских функций. Исследование основано на пространственно-временном анализе статистики за 2008 – 2024 годы (отдельные показатели – с 1970 года) по рождаемости, брачно-семейной динамике и возрастным коэффициентам. Эмпирическая часть посвящена оценке состояния рождаемости и социально-экономических последствий её динамики на примере Республики Беларусь с учетом международного опыта. Показано, что рождаемость тесно связана с экономическими и неэкономическими интересами домохозяйств. Систематизированы предложения по институциональной модели стимулирования рождаемости. Выявлены ключевые особенности демографического развития: снижение рождаемости, старение населения, рост отложенного материнства и изменение семейных установок. Подчеркивается необходимость системных мер по снижению издержек родительства.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, репродуктивное намерение, рождаемость, демографический переход, стимулирование рождаемости, демографическая безопасность.

Введение. Проведенное авторское исследование среди прочего систематизирует фундаментальные мнения, относящиеся к решениям, принимаемым в отношении процесса деторождения [1], которые, в свою очередь, в значительной мере рациональны (объективно выражаясь, люди не просчитывают их строго по моделям). В данном контексте рациональность проявляется в двух формах:

1) семьи ограничены бюджетом и вынуждены учитывать затраты, что делает их поведение экономически осмысленным;

2) молодое поколение склонно подражать более успешным стратегиям предыдущих поколений, ориентируясь на лучший баланс между затратами и выгодами. При этом лишь небольшая часть населения быстрее адаптируется к изменениям условий, пересматривая нормы в отношении репродуктивного намерения и репродуктивного поведения.

Как демонстрирует теоретическая часть авторского исследования, несмотря на долгосрочный и неопределенный характер решений о деторождении, в последние десятилетия наблюдались быстрые изменения в репродуктивном поведении, которые можно рассматривать как рациональную реакцию на внешние социально-экономические и культурные трансформации. В дополнение, по мнению автора, стоит понимать исторический контекст, который во многом способствовал изменению репродуктивного поведения, в особенности, на стороне женщин. Для примера, на протяжении многих десятилетий позиция женщины в экономической жизни была эксклюзивной, что предусматривало строгое ограничение ее роли и обрамления в рамках исключительно социального ориентира [2–6]. Следовательно, эти установки формировали устойчивые модели поведения, где высокая рождаемость и активное репродуктивное намерение были социально поощряемой нормой, а экономическая самостоятельность являлась исключением. Однако гендерная революция 1960–1970-х гг. вызвала существенные преобразования в семейной структуре. Женское движение, наряду со снижением доходов мужчин, способствовало росту участия женщин в оплачиваемом труде. В результате традиционная модель семьи, основанная на разделении ролей «кормилец – домохозяйка», значительно утратила свое значение. На современном этапе большинство пар, включая семьи с детьми, являются домохозяйствами с двумя работающими партнерами [7]. Одновременно с изменениями в сфере занятости трансформировались и общественные ожидания в отношении отцовства и материнства. Несмотря на эти сдвиги, занятость мужчин и их участие в домашних обязанностях изменились в меньшей степени по сравнению с трансформациями женских ролей [8]. Вместе с равными правами на труд, карьеру, возможностью участия в политической и экономической жизни напрямую, женщина тем самым получила инклюзивные возможности от сообщества. Однако по мере реализации этих прав через образование и профессиональную самореализацию возникает феномен компенсации, когда освоение новых возможностей сопровождается отложенными или упущенными реализациями в других сферах, в частности, в роли матери. Таким образом, расширение социальных и профессиональных горизонтов женщин сопровождается сложным выбором и переосмыслением традиционных женских ролей, особенно в контексте материнства.

Научная проблема заключается в необходимости всестороннего анализа того, как процессы гендерного перехода, экономические и культурные изменения влияют на репродуктивное намерение и репродуктивное по-

ведение населения, в частности, у женщин. Особенно актуально это в контексте устойчивого снижения рождаемости в ряде развитых и развивающихся стран, что обусловлено процессами демографического перехода. Вопрос о том, каким образом институциональные и ценностные трансформации влияют на выбор в пользу материнства и отцовства, становится ключевым как для демографических исследований, так и для разработки государственной социально-экономической политики.

Актуальность исследования определяется необходимостью достижения согласованности между репродуктивными намерениями и реализацией репродуктивного поведения среди мужчин и женщин репродуктивного возраста в контексте социально-экономического развития. Полученные результаты могут внести значимый вклад как в теоретическое осмысление механизмов репродуктивного поведения и репродуктивного намерения в рамках демографии, социологии и гендерных исследований, так и в практическую плоскость. Прежде всего, в разработку и совершенствование социально-экономической политики, программ поддержки семьи и др.

Обзор литературы. Современные исследования все чаще выходят за рамки одной дисциплины стремясь к междисциплинарности при изучении демографических процессов. Это позволяет учитывать как социальные, так и экономические аспекты, что значительно расширяет аналитические возможности. Для примера, расширение доступа к детским садам [9] и финансовые стимулы способствуют увеличению числа рождений. Реформы декретного отпуска положительно влияют на рождаемость, хотя выгоды распределяются неравномерно: высокооплачиваемые семьи получают больше компенсаций, а программы детского ухода помогают снизить социальное неравенство. С этим повышается необходимость учета экономических и социальных факторов при разработке эффективных мер поддержки семей. Отдельного внимания заслуживают работы, в которых акцент сделан на различии между репродуктивным намерением (субъективными установками по поводу желаемого количества детей и сроков их рождения) и репродуктивным поведением (фактическими действиями, направленными на реализацию или отказ от этих установок). Учитывая это различие, исследователи получают возможность глубже понять механизмы реализации репродуктивных установок и, следовательно, более точно оценить эффективность демографической политики. На основании анализа научной литературы делается вывод о том, что существующие исследования, посвященные мерам стимулирования рождаемости, также поддаются определенной классификации.

Исследования группы неэкономических факторов включает множество тем. Связь семейных ценностей, поддержание баланса между рабочими и семейными ролями представлена в исследовании Е.К. Артеменко [8]. В поддержку исследования (при изучении теории «модернизации» и «кризиса семьи», разработанные А.Г. Вишневым и А.И. Антоновым [10; 11]) выступает А.Г. Злотников [12], акцентируя внимание на важности институтов семьи и их связи с демографическими изменениями. А.А. Головач [13] рассматривает инвестиции в человеческий капитал, меры по стимулированию рождаемости и миграционное замещение как возможные механизмы демографической компенсации. В свою очередь, А.А. Бондаренко [14] акцентирует внимание на значении семейной поддержки и информационно-просветительских стратегий как инструментах противодействия депопуляции и старению населения, что также изучается в работах Н.А. Томашевской [15]. Л.П. Шахотко [16] анализирует макроэкономические последствия демографического спада, в том числе его влияние на совокупный спрос и устойчивость системы социального обеспечения. В поддержку можно привести работы Е.Н. Карчевской [17], которая уделяет внимание росту числа пенсионеров и связанных с этим увеличением расходов на социальное обеспечение. Таким образом вопросы эффективности демографической политики и обеспечения демографической безопасности становятся все более актуальными в условиях усиливающихся демографических вызовов.

Этой тематике посвящены работы М.И. Артюхиной и С.А. Пушкевич [18], в которых анализируются реализуемые в Республике Беларусь меры демографической поддержки с акцентом на достигнутые результаты и возникающие риски, включая тенденции депопуляции. И.В. Тетерева [19] предлагает классификацию мер, реализуемых в рамках государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность», при этом подчеркивая приоритетность интересов текущего поколения в формировании демографической устойчивости. В свою очередь, Н.Н. Сечко и Е.В. Таранова [20] проводят сравнительный анализ демографической политики Беларуси и России, акцентируя внимание на значимости межгосударственного обмена опытом и стратегиями для обеспечения стабильности демографических процессов. Тындик А. [21] рассматривает образовательный фактор, влияющий на воспроизводство и определяющий приоритеты пронаталистской демографической политики. «Разрыв» между желаемым и фактическим числом детей у мужчин и женщин определяет потенциал будущего воспроизводства. Так согласно теории В.Архангельского и др. [22], в России существуют две группы факторов низкой рождаемости: социально-психологические (низкая потребность в детях) и социально-экономические (плохие условия реализации потребности в детях). Влияние этих групп факторов взаимосвязано, и нельзя, например, говорить о детерминации рождаемости только экономическими причинами, не связывая их с уровнем потребности в детях. Более структурное видение факторов представлено в работе Н. Балбо и его соавторов [23] в виде детерминантов рождаемости по трем уровням: микро (детерминанты индивидуального и/или семейного уровня), мезо (социальные связи и социальные сети) и макро (культурные и институциональные нормы).

В разрезе макрофакторов Норберт Нойвирт, Изабелла Бубер-Эннсер и Бит Фукс и др. [24] выяснили, что семьи с миграционным фоном демонстрируют более высокие показатели рождаемости, что связано с культурными и социальными особенностями. Экономические трудности, включая инфляцию и нестабильность на рынке труда, оказывают влияние на планы по расширению семьи, особенно среди семей с низким доходом. Женщины

сталкиваются с двойной нагрузкой, профессиональной и семейной, что влияет на их решения о количестве детей. В разрезе микрофакторов Вишневецкий А.Г., Денисов Б.П., Сакевич В.И. [25] рассматривают связь рождаемости с концепцией демографического перехода, в частности, через рост планирования семьи и рождений, особое внимание уделяется контрацептивному образованию.

По нашему мнению, данные исследования являются отчасти спорными. Непонятно, почему при высоком уровне развития института планирования семьи среди женщин и мужчин всё ещё существует понятие «нежелательная беременность»? Что входит в понятие нежелательной беременности и как признаки, формирующие это понятие, меняются с течением времени в период социально-экономических и политических изменений? Какие меры могут быть предприняты, чтобы мотивировать достаточное воспроизводство населения и компенсировать возможные упущенные выгоды от рождений, которые на текущий момент воспринимаются населением как нежелательные? Возможно более эффективными методами сбалансированной рождаемости являются не только рост распространения знаний о контрацептивах, но также и меры, мотивирующие рождения у растущей доли женщин, считающих беременность нежелательной?

Отчасти в ответе на данные вопросы значимы исследования Журавлевой Т.Л., Гавриловой Я.А. [26], которые изучают разрыв между репродуктивными намерениями людей в начале жизни и реализованной рождаемостью к концу жизни. В интенсивных попытках прирастить доход у женщины с высшим образованием не остается временного и энергетического потенциала на рождение и воспитание детей, образование семьи. Исследования сходятся во мнении с зарубежными. Густафссон С. [27] анализирует отсрочку материнства, изучая, как образование, участие на рынке труда и политика влияют на время первых родов. Подчеркивается компромиссность между ранним материнством и развитием карьеры, выделяя, что поддерживающая семейная политика может смягчить негативные последствия отсрочки деторождения в рамках ограничений биологических пределов фертильности. Амуэдо-Дорантес К., Киммел Дж. [28] отмечают тенденцию снижения числа первородящих женщин до 30 лет, особенно среди обладательниц высшего образования, при одновременном росте числа первых родов после 30. Это связано с карьерными приоритетами: женщины с высшим образованием чаще откладывают материнство ради профессионального роста. Более углубленное погружение в тему показывает, что несмотря на известный «штраф за материнство», женщины, ставящие приоритет в пользу карьерной реализации, впоследствии зарабатывают больше, чем бездетные сверстницы, особенно при отсроченной фертильности. Во многом это объясняется трудоустройством на позиции, сочетающие карьерный рост с семейной поддержкой. Вместе с тем также как позднее материнство может быть стратегией снижения карьерных потерь, оно сопряжено с рисками, среди которых возможная бездетность или меньшее число детей. Резюмируя данную поведенческую модель, стоит отметить, что уровень образования женщины определяет связь между временем рождения первого ребенка и карьерными результатами (например, менее образованные женщины рожают раньше, в то время как более образованные приходят к такому решению после 30 лет).

Исследователи Д. Книл и Х. Джоши [29] в число эффектов роста числа первых родов после 30 лет включили увеличение доли людей, чьи нереализованные планы стать родителями приводят к снижению рождаемости; росту использования репродуктивных технологий и распаду партнерств; а также влияние позднего родительства на развитие детей и семейную динамику, включая социально-экономические и уходовые аспекты. Подчеркивается, что отсрочка родительства связана не только с карьерой женщин. Мужчины с высшим образованием также склонны откладывать рождение детей. Это требует инклюзивной семейной политики, поддерживающей раннее родительство для обоих полов. Так, на примере выборочного исследования Д. Пронцато [30] оценивает влияние политики отпуска по уходу за ребенком на послеродовую занятость матерей. Сравнение женщин со схожими характеристиками, но разным доступом к национальным системам отпуска, показывает, что более длительный оплачиваемый отпуск увеличивает время, проводимое матерью дома, особенно при акценте на раннее развитие ребенка. При этом защита рабочих мест особенно способствует возвращению к занятости среди женщин с низким уровнем образования, демонстрируя важность отпуска для карьеры матерей. В поддержку исследования Мориен Эль Хадж [31] и соавторы анализируют дискриминацию в сфере труда, связанную с фертильностью, беременностью и родительством. Женщины сталкиваются с негативными последствиями на рынке труда на всех стадиях родительства: во время беременности, в фертильном возрасте и после рождения детей. При этом мужчины часто не испытывают негативных последствий, а иногда даже получают преимущества при наличии детей. Основным механизмом такой дискриминации является статистическая дискриминация, основанная на стереотипах и ожиданиях работодателей. В связи с этим актуален вопрос сбалансированной поддержки обоих родителей в направлении обеспечения справедливой занятости. Кроме того, внутрисемейные переговоры влияют на рождаемость в странах с низким уровнем фертильности, где рождение ребенка вероятно при согласии обоих партнеров. Авторы М. Допке, Ф. Киндерманн [32] разработали количественную модель внутрисемейного торга, направленную на снижение бремени ухода за детьми именно для матерей: она может быть более чем в два раза эффективнее в повышении рождаемости по сравнению с универсальными детскими пособиями. Эрмиш Дж. Ф. [33] разработал модель, связывающую решения матерей о работе, оптимальном размере семьи и использовании услуг по уходу за детьми. Доступность и стоимость этих услуг существенно влияют на фертильность и занятость женщин.

Эволюцию семейной политики в развитых странах анализирует А. Х. Готье [34]. Усиление поддержки обоих работающих родителей через отпуска и уход за детьми все ещё неравномерно. Макдональд П. [35; 36] описывает различия в уровнях рождаемости между странами с показателями, близкими к воспроизводству, и регионами с устойчиво низкой рождаемостью. Разный уровень гендерного равенства в институциональных

сферах (занятость, налогообложение, семейные роли) влияет на решение о рождении. В свою очередь К. Оливетти и Б. Петронголо [37] показывают, что политика, ориентированная только на матерей, укрепляет традиционные гендерные роли и замедляет равенство, особенно при отсутствии или низком использовании отпуска отцами. Так, субсидируемый уход и умеренный оплачиваемый отпуск способствуют занятости женщин. Однако очень длинный оплачиваемый отпуск может снизить возвращение к работе, уменьшить доходы и повысить риск дискриминации. При этом неоплачиваемый или низкооплачиваемый отпуск малоэффективен для малообеспеченных семей, а денежные пособия без условий занятости снижают мотивацию работать. В поддержку выводов, Анн-Цофия Дювандер, Томми Феррарини и Сара Тальберг [38] выявили, что отпуск по уходу за ребенком в большей мере по-прежнему берут матери, что, помимо прочего, мешает женщинам конкурировать на равных условиях с мужчинами на рынке труда. Следовательно, гендерное разделение отпуска по уходу за ребенком может способствовать сохранению традиционных гендерных ролей и неравенства.

В поддержку гендерности в вопросах фертильности А. Бассо [39] исследует связь равенства и рождаемости в итальянских провинциях. Региональные различия в гендерных нормах и ролях влияют на репродуктивное поведение. Более высокое гендерное равенство, особенно в занятости и распределении домашних обязанностей, связано с повышенной рождаемостью. Для пример, такие авторы, как Байзан П., Арпино Б., Делькрос К.Э. [40] выдвинули гипотезу, по которой политика поддержания гендерного равенства повышает рождаемость и сокращает различия по уровню образования. Данный подход особенно стимулирует рождаемость среди образованных женщин, уменьшая конфликт между работой и семьей. Вместе с тем эффективность данного подхода спорна и во многом зависит от социальных норм (например, традиционные установки в распределении ролей между мужчиной и женщиной могут ограничивать положительный эффект от политики гендерного равенства). В поддержку гендерного равноправия Эстер Фанелли и Паола Профета [41] обнаружили, что равномерное распределение домашних обязанностей между партнерами может способствовать увеличению рождаемости и поддержанию занятости женщин. При таком выборе участие отцов в домашних обязанностях помогает женщинам совмещать работу и семью, что способствует повышению рождаемости и продолжению трудовой деятельности матерей. В противовес мнению о гендерности выступают исследования Фарре Л., Гонсалес Л. [42], где растущая вовлеченность отцов в уход за детьми привела к более высокой привязанности к рабочей среде среди матерей в Испании. Это могло повысить альтернативные издержки дополнительного ребенка и привести к сдвигу предпочтений с количества детей на качество.

Так, Беккер Г. С. и Льюис Х. Г. [43] представили экономическую теорию рождаемости, акцентирующую компромисс между количеством детей и инвестициями в их качество. Авторы утверждают, что с ростом доходов родители выбирают меньше детей, но вкладывают больше в их образование и благополучие. Результаты Олан Наз [44] и соавторов подтверждают гипотезу о переходе от количества к качеству в репродуктивных стратегиях: семьи с растущими доходами и инвестициями в образование склонны ограничивать число детей, что отражает изменение ценностей и приоритетов в обществе. Анн Готье и Петра де Йонг [45] анализируют мотивации родителей, учитывая высокие экономические и эмоциональные затраты, связанные с воспитанием. Исследование подчеркивает, что в контексте снижения рождаемости родители стремятся компенсировать уменьшение количества детей за счет увеличения инвестиций в каждого ребенка, что отражается на образовательных и социальных ресурсах. При этом высокие затраты на качество снижают спрос на большие семьи, объясняя снижение рождаемости в развитых странах. Однако спорным все еще остается вопрос измерения качественной характеристики ребенка, потому как она будет отличаться в зависимости от локации родителей (развитая или развивающаяся страна), а также финансового и временного капитала, выделяемого на развитие и воспитание ребенка. Саката и Маккензи [46] выдвигают гипотезу о «песочнице» – ситуации, когда пары одновременно воспитывают детей и заботятся о пожилых родителях, что увеличивает вероятность бездетности пары. Среди последствий снижения рождаемости и её структурного дисбаланса особое внимание в научной литературе уделяется процессу старения населения и увеличивающемуся давлению на экономику, в том числе росту нагрузки на занятое население трудоспособного возраста. В этой связи К. Борнуков и Л. Львовский [47] исследуют взаимосвязь между численностью трудоспособного населения, экономическим ростом и уровнем фискальной нагрузки.

К группам экономических факторов, оказывающих влияние на рождаемость и репродуктивное поведение, относят множество показателей. К примеру, Т.М. Малева и О.В. Синявская [48] анализируют доход, образование, занятость и др. как влияющие на рождаемость. Среди прочих признаков, сказывающихся на рождаемости, находятся упущенные финансовые возможности со стороны женщин. В поддержку исследований Бирюкова С.С., Макаренцева А.О. [49] рассматривают концепцию штрафа за материнство – цена, которую «платит» женщина за рождение и воспитание ребенка, что выражается как в ухудшении положения на рынке труда, так и снижении оплаты труда. В связи с этим макроэкономика имеет ситуацию, когда планирование рождения детей на уровне домохозяйств идет врозь с социально-экономической политикой, что реализуется в значительном снижении коэффициентов рождаемости и сказывается на показателях воспроизводства населения. Однако зачастую более позднее материнство связано с большими вложениями в образование и профессиональное развитие. Так, М.Л. Блэкберн, Д.Э. Блум, Д. Ноймарк [50] показал через модель жизненного цикла фертильности и инвестиций в человеческий капитал, что матери, отсрочившие рождение детей до 30 лет, имеют более высокую заработную плату. Вместе с тем автором не рассматривается, повышает ли отсрочка фертильности потенциальный доход у уже высокообразованных женщин. Шмидт Л. [51], исследуя категорию матерей-одиночек, показывает, что менее образованные незамужние матери зарабатывают в среднем 75% от дохода бездетных женщин, тогда как среди более

образованных – 95%. Числовые данные исследования Шмидта касаются только никогда не состоявших в браке женщин, однако результаты указывают на то, что материнский штраф снижается с ростом уровня образования.

Говоря об альтернативных точках зрения, автором проанализированы работы следующих ученых-экономистов, среди которых: С. П. Мартин [52] с мнением об отсрочке фертильности до 30 лет, которая объясняется карьерными требованиями и высокими затратами на качественный уход за детьми, которые становятся менее обременительными с ростом доходов и профессионального статуса; Кокатт и др. [53], которые показывают, что структура рынка труда стимулирует отсрочку деторождения, что помогает объяснить как разрыв в заработной плате матерей, так и фертильные тенденции; Дж. Дж. Хекман и Дж. Р. Уокер [54], отражающие в своих работах, что более высокая заработная плата женщин значительно откладывает зачатие и снижает общую рождаемость, отражая возросшие альтернативные издержки деторождения. Напротив, более высокие доходы мужчин, особенно среди сожительствующих пар, связаны с более ранним зачатием и более высокой рождаемостью, подчеркивая роль поддержки партнера в формировании семьи. Эти эффекты наиболее выражены в краткосрочной перспективе, в то время как долгосрочные воздействия на завершённую рождаемость слабее. Чжэн Му и Юй Се [55] исследуют влияние количества детей на занятость, доход и субъективное благополучие родителей. С увеличением числа детей отцы тратят больше времени на работу и меньше инвестируют в уход за семьей, в то время как матери сообщают о повышении субъективного благополучия. Результаты демонстрируют гендерные различия в последствиях фертильности, соответствующие модели внутрисемейной специализации. Чиньо показывает, что репродуктивное поведение систематически реагирует на пособия на детей, субсидии на образование и политику социального обеспечения. Детские пособия, субсидии на образование и отпуск по уходу за ребенком снижают стоимость воспитания детей, способствуя повышению рождаемости. Напротив, щедрые государственные пенсии могут препятствовать рождаемости, снижая потребность в поддержке со стороны детей в старости. Резонным становится вопрос о возможной взаимосвязи будущей модели рождаемости с системой пенсионного обеспечения как стимулирующего фактора воздействия на сбалансированный рост рождаемости.

В свою очередь в исследовании Цзивэй Ж. и И. Чжан [56] дети предоставляют финансовую и неформальную помощь, позволяя родителям раньше завершить трудовую деятельность без ущерба для здоровья или благосостояния. Исходя из данной модели, снижение рождаемости будет увеличивать нагрузку на пожилых людей, особенно в условиях ограниченной социальной защиты. В поддержку пенсионных стимулов как фундамента мотивации к росту рождаемости Дупта и Дубей [57] доказали, что в развивающихся странах бедные семьи часто сознательно выбирают иметь больше детей, рассматривая их как экономические активы и источник поддержки в старости из-за отсутствия систем соцзащиты. Кроме того, они живут в более бедных регионах, где риск того, что один ребенок не сможет содержать родителей, выше. С этим любое увеличение затрат на рождение и воспитание детей (прямых или косвенных) снижает рождаемость.

Материалы и методы. Объектом исследования является показатель рождаемости Республики Беларусь и взаимосвязанные показатели за период 2008 – 2024 гг., а также, по ряду отдельных показателей, за период с 1970 г. (при наличии статданных). Данные взяты из открытых источников Национального статистического комитета Республики Беларусь. Исследование носит теоретико-методологический характер и направлено на систематизацию знаний о факторах, влияющих на рождаемость, в контексте их стимулирования социально-экономического развития. В качестве методов использован комплексный анализ статистических данных, включающий корреляционный и сравнительный анализ. Для обработки и эмпирического анализа данных применялись статистические инструменты программного обеспечения Microsoft Office. Последовательность работы включала сбор и систематизацию данных, их статистическую обработку, анализ тенденций и взаимосвязей, а также интерпретацию результатов с учетом рассмотренных теоретических подходов.

Результаты. В более ранних авторских исследованиях [58] на основании линейной зависимости выявлены факторы, оказывающие влияние в кратко- и долгосрочной перспективе на показатель рождаемости в Республике Беларусь. Среди множества возможных причин идентифицированы значительный рост возраста матери при рождении первого ребенка, а среди последствий – снижение пороговых значений численности населения ниже 9 млн человек в перспективе ближайших десяти лет. В рамках настоящего авторского исследования для проведения эмпирического анализа взяты показатели, представленные в открытом доступе на сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь за период с 2008 по 2024 годы (<https://www.belstat.gov.by/>). Одним из индикаторов последствий низкой рождаемости является темп роста населения в возрасте моложе трудоспособного. Среднегодовой темп роста доли населения моложе трудоспособного составил ни много ни мало +0.65 процентных пункта в год в период с 2009 по 2023 гг. За рассматриваемый период доля населения младше трудоспособного возраста постепенно увеличивается (с 15,9% в 2009 до 17,4% в 2023 гг.). Если тренд сохранится, в долгосрочной перспективе это может положительно сказаться на численности трудоспособного населения. Однако важно понимать, если уровень экономической активности останется низким, рост детей молодых возрастов не обязательно приведет к увеличению экономически активного населения. Более того, если общая численность населения снижается, но доля населения младше трудоспособного возраста увеличивается то, это может значить, что снижение идет за счет других возрастных групп (например, трудоспособного или старшего населения). За период 2008 – 2019 гг. падение показателя идет на 20,3 тыс. чел. за 11 лет, что составляет около 18,8%. Падение может быть признаком демографической депрессии, особенно если оно сопровождается сокращением численности трудоспособного населения.

Следующим рассмотрен коэффициент экономической активности населения, который снижается на фоне сокращения численности населения. Это указывает на несколько важных тенденций. Прежде всего, снижение коэффициента экономической активности свидетельствует о том, что численность трудовых ресурсов уменьшается быстрее, чем численность населения в целом. Это может быть связано с процессами старения населения, когда доля трудоспособного контингента сокращается, а доля пенсионеров, напротив, растет. Также возможна международная эмиграция трудоспособного населения, что приводит к потере рабочей силы и снижению уровня экономической активности. Последствия данной тенденции могут быть значительными. Например, снижение доли экономически активного населения приводит к росту нагрузки на занятых работников, так как именно они обеспечивают налоговые поступления и финансирование социальных программ. Дефицит рабочей силы может стать серьезной проблемой для отдельных отраслей экономики, особенно если речь идет о квалифицированных специалистах. Кроме того, в долгосрочной перспективе это может замедлить темпы экономического роста, увеличить нагрузку на социальные системы и потребовать пересмотра государственной политики в области занятости, образования и миграции. В связи с этим проанализирован коэффициент демографической нагрузки. В рамках рассматриваемой статистики абсолютный прирост коэффициента положителен и составил 81,1, что свидетельствует о росте демографической нагрузки. При этом темп роста за весь период 2008–2023 гг. (показывает, во сколько раз изменился коэффициент относительно 2008 г.) составляет 14%. А среднегодовой темп роста (на сколько процентов в среднем изменялся коэффициент каждый год) составляет 6,9%. Этот показатель демонстрирует среднегодовую скорость изменения коэффициента, сглаживая колебания. Стоит понимать, что рост коэффициента демографической нагрузки до 81,1 указывает на значительное увеличение нагрузки на трудоспособное население. Это означает, что на каждую тысячу занятых приходится больше нетрудоспособных граждан (детей и пенсионеров), что может создавать дополнительные экономические и социальные риски. Вдобавок, темп роста коэффициента демографической нагрузки за период 2008–2023 гг. составил 14%, что подтверждает долгосрочную тенденцию увеличения нагрузки. В то время как среднегодовой темп роста коэффициента 6,9% демонстрирует достаточно высокую скорость увеличения нагрузки на протяжении периода. То есть, в среднем коэффициент ежегодно рос на 6,9%, что свидетельствует о систематическом ухудшении баланса между трудоспособным и нетрудоспособным населением.

Как видится, выявленная динамика может привести к ряду экономических последствий, включая рост нагрузки на систему социального обеспечения, давление на рынок труда, а также вынужденные изменения государственной политики посредством стимулирования рождаемости, увеличения пенсионного возраста, привлечения трудовых мигрантов.

На основании анализа статистических данных выявлены устойчивые демографические тенденции, характеризующиеся снижением численности населения, депопуляцией и трансформацией репродуктивного поведения в Республике Беларусь. Для простоты восприятия и системности представления результатов анализируемые признаки сгруппированы следующим образом.

Группа 1. Население, рождаемость, смертность, естественное движение населения.

Доступна статистика за период с 1970 по 2024 годы. Анализ показателей рождаемости демонстрирует выраженную негативную динамику. Максимальные значения абсолютного числа родившихся зафиксированы в середине 1980-х годов (171,6 тыс. в 1986 г.), после чего наблюдается резкое снижение, особенно выраженное в 1990-е годы. К 2019 г. число родившихся сократилось до 87,6 тыс., что соответствует снижению коэффициента рождаемости с 17,1 до 9,3 на 1000 человек. Следует отметить кратковременную стабилизацию в 2010-х гг. (12,4–12,5 в 2014–2016 гг.), однако в последующие годы тренд вновь приобрел нисходящий характер. За исследуемый период наблюдается последовательное сокращение численности населения Беларуси: с 10,32 млн чел. в 1985 г. до 9,47 млн в 2019 г., что свидетельствует о долгосрочной депопуляции. Уровень смертности на протяжении большей части исследуемого периода оставался относительно стабильным, варьируясь в пределах 9,7–14,8 на 1000 чел. Наибольшие значения коэффициента смертности зафиксированы в начале 2000-х гг. (14,8 в 2002 г.), что может быть связано с последствиями социально-экономического кризиса 1990-х и старением населения. В 2010-е гг. показатель стабилизировался на уровне 12,6–14,4, однако его значения продолжают превышать показатели рождаемости, что усугубляет естественную убыль населения. До 1993 г. в Беларуси наблюдался естественный прирост населения, однако с 1994 г. начинается период устойчивой депопуляции, достигая пиковых значений в 2011 г. (–29,0 тыс. чел.). Несмотря на некоторое снижение темпов убыли в 2010-х гг., естественная убыль остается значительной (–32,9 тыс. в 2019 г.).

Группа 2. Брачно-семейная динамика.

Проведенный анализ статистических данных о браках и разводах в Республике Беларусь за период с 1970 по 2024 год выявил ряд устойчивых тенденций, характеризующих трансформацию института семьи. Например, данные о рождениях вне зарегистрированного брака (доступны за 1991–2008 гг.) свидетельствуют о росте доли таких рождений с 12,1% в 1991 г. до 21,2% в 2008 г. Это может указывать на трансформацию семейных моделей и снижение значимости института брака в репродуктивных стратегиях населения. Наблюдается выраженная негативная динамика показателей брачности. Если в 1970–1980-х гг. ежегодное количество заключаемых браков составляло 80–99 тыс. при коэффициенте брачности 9–10 на 1000 населения, то к 2023 г. этот показатель снизился до 56 тыс. при коэффициенте 6,1. Особенно резкое сокращение числа браков отмечалось в 1990-е гг. (до 60–70 тыс.), что может быть связано с социально-экономическими преобразованиями переходного периода. Характерно, что после кратковременного роста в 2007–2013 гг. (до 82–87 тыс.) в последующем вновь проявилась

тенденция к снижению. Показатели разводимости демонстрируют относительную стабильность на протяжении всего анализируемого периода. Количество разводов колеблется в диапазоне 30–40 тыс. ежегодно, а коэффициент разводимости сохраняется на уровне 3–4 на 1000 населения. Максимальные значения отмечались в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (до 47 тыс. разводов в 1999 г. при коэффициенте 4,7), что может свидетельствовать о кризисных явлениях в семейной сфере в указанный период. Анализ структуры разводов по наличию детей (данные доступны с 2000 г.) показывает, что около 40% распадающихся семей не имели детей. При этом в семьях с детьми преобладают разводы в парах с одним ребенком (12 – 14 тыс. ежегодно), тогда как количество разводов в семьях с двумя и более детьми сократилось с 7–8 тыс. в начале 2000-х до 5–6 тыс. в последние годы. К тому же, ежегодно 24–30 тыс. детей остаются без одного родителя в результате разводов, при этом на 1000 расторгаемых браков приходится 700–900 общих детей. К слову, важной характеристикой современной брачности является устойчивый рост возраста вступления в первый брак. За анализируемый период средний возраст женихов увеличился с 23–24 лет в 1970 – 1990-х гг. до 28–29 лет в 2020-х, невест – с 21–22 до 26–27 лет, соответственно. Данная тенденция соответствует общемировым демографическим трендам (в частности, в разрезе концепции демографического перехода) и отражает изменение жизненных стратегий молодежи, связанное с удлинением периода образования и карьерного становления.

Группа 3. Возрастные коэффициенты рождаемости.

Проведенный анализ возрастных показателей рождаемости в Республике Беларусь за период с 1995 по 2023 год позволяет выявить ряд значимых тенденций в репродуктивном поведении населения. Исследование базируется на данных о числе родившихся на 1000 женщин различных возрастных групп, а также показателях суммарного коэффициента рождаемости (СКР). Наблюдается устойчивая тенденция снижения интенсивности деторождения во всех возрастных группах. Наиболее существенное сокращение коэффициентов рождаемости отмечается среди женщин моложе 20 лет – с 39,5 в 1995 г. до 10,8 в 2019 г. (снижение в 3,7 раза). В возрастной группе 20–24 года показатель уменьшился с 124,6 до 68,4 (в 1,8 раза), в группе 25–29 лет – с 72,7 до 89,0 (при этом следует отметить временный рост в данном сегменте в 2010-х гг.). Особого внимания заслуживает снижение рождаемости у женщин 30–34 лет с 29,9 до 68,6, что свидетельствует о постепенном смещении деторождения на более поздние репродуктивные возрасты. Анализ динамики суммарного коэффициента рождаемости демонстрирует его значительные колебания. В 1995 г. СКР составлял 1,406, достигнув минимального значения в 2005 г. (1,210). Последующий рост показателя до 1,733 в 2016 году сменился новым снижением до 1,382 в 2019 году. Однако на протяжении всего анализируемого периода СКР оставался ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1), что свидетельствует о сохранении режима суженного воспроизводства. Возрастная структура рождаемости претерпела существенные изменения. Если в 1990-х гг. максимальные показатели наблюдались в группе 20–24 года, то к 2019 г. пик рождаемости сместился на возрастную группу 25–29 лет. При этом значительно увеличился вклад женщин 30–34 лет в общий уровень рождаемости – с 12,5% в 1995 г. до 23,1% в 2019 г. Данная трансформация отражает тенденцию к более позднему рождению первого ребенка и увеличению среднего возраста материнства. Особого внимания заслуживает анализ когортных различий репродуктивного поведения. Женщины, вступившие в активный репродуктивный возраст в начале 2000-х годов, демонстрируют существенно более низкие показатели рождаемости в молодых возрастах по сравнению с поколениями 1990-х годов. Это может быть связано как с изменением социально-экономических условий, так и с трансформацией ценностных ориентаций в отношении семьи и деторождения. Отсутствие актуальных данных за 2020–2023 гг. не позволяет в полной мере оценить влияние пандемии COVID-19 и последующих социально-экономических изменений на репродуктивное поведение населения. Однако имеющаяся динамика показателей до 2019 г. свидетельствует об устойчивости выявленных тенденций.

Результатом проведенного эмпирического анализа является вывод о необходимости:

- а) анализа более длинных временных отрезков, позволяющих выявить как намерения, так и их исполнение, а также количественные показатели конверсии. Иначе влияние выявленных факторов может относиться к более ранним периодам (5–10 лет назад), что искажает интерпретацию результатов;
- б) построения многофакторной модели анализа взаимосвязи рождаемости и экономических/неэкономических стимулов.

Данный вывод обусловлен потребностью в разработке комплексных стратегий стимулирования рождаемости в условиях нарастающих демографических вызовов и необходимости обеспечения устойчивого воспроизводства человеческого капитала. Вместе с тем, как следует из проведенного анализа литературы, откладывание родительства (соответствующее репродуктивное поведение реализуемое в репродуктивном намерении) является характерной чертой не только женщин, но и мужчин (ввиду амбиций в сторону повышения образования, движения в карьере и в силу иных факторов). На этом фоне обосновывается важность формирования инклюзивной институциональной модели стимулирования рождаемости, способствующей более раннему родительству как для женщин, так и для мужчин, вне зависимости от их семейного статуса (в том числе в незарегистрированных отношениях). На уровне теории предлагается расширение субъектов демографической политики с учетом микроуровня: частный сектор может быть включен в систему стимулирования воспроизводства населения в силу прямой заинтересованности в стабильности социально-экономических показателей и обеспечении рынка квалифицированными трудовыми ресурсами. Таким образом, представляется актуальной разработка интегрированной модели стимулирования рождаемости, сочетающей фискальные, социальные и институциональные инструменты,

которые не только компенсируют текущие расходы на содержание детей, но и формируют долгосрочную инвестиционную траекторию поддержки семей с детьми в рамках более широкой стратегии устойчивого демографического развития. Возможная интегрированная модель стимулирования рождаемости представлена на рисунке.

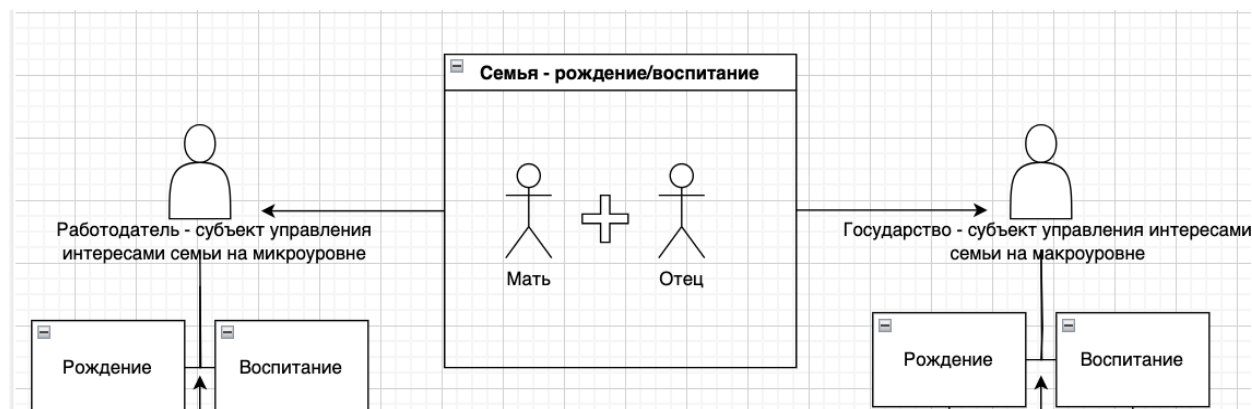

Рисунок. – Интегрированная модель стимулирования рождаемости

Данная концептуальная модель институциональной поддержки рождаемости и воспитания детей основана на многоуровневом подходе, который охватывает как макроуровень (государственные меры), так и микроуровень (инициативы работодателей). Модель структурирована таким образом, чтобы обеспечивать поддержку обеих ключевых родительских функций: рождения (как акта биологического и социального воспроизводства) и воспитания (как процесса «эксплуатации» человеческого капитала, включающего инвестиции в развитие ребенка). Теоретической основой модели выступает интерпретация рождения как экономического акта производства, а воспитания – как этапа эксплуатации родительского ресурса, что позволяет переосмыслить демографическую политику сквозь призму экономической и неэкономической рациональности в контексте влияния не просто на уровень рождаемости, но и на репродуктивное поведение и репродуктивное намерение населения в репродуктивном возрасте.

Заключение. В рамках проведенного авторского исследования обнаружено наличие устойчивых и системных изменений в демографической структуре Республики Беларусь. В эмпирической части работы выявлены характерные черты современного этапа демографического развития, среди которых устойчивое снижение рождаемости, старение населения, распространение модели отложенного материнства и трансформация брачно-семейных установок. По мнению автора, эти явления не только подтверждают наличие демографического кризиса, но и указывают на необходимость глубокого переосмысления репродуктивного поведения и факторов, его детерминирующих.

Говоря проактивно и с упором на долгосрочные эффекты, систематизация теории в части репродуктивного поведения и репродуктивного намерения, рождаемости через призму причинно-следственных связей позволила установить барьеры повышения рождаемости, среди которых выявлены стремление к получению высшего образования и повышению профессионального статуса (у женщин), значительные прямые и косвенные издержки воспроизводства (рождения), а также упущенные возможности (у женщин), связанные с временным или постоянным выходом из трудовой активности. Эти факторы формируют не только индивидуальное репродуктивное поведение, но и массовые установки, поддерживающие тенденцию откладывания рождения детей или отказа от многодетности.

Практическая значимость работы заключается в возможности системно выявить ключевые детерминанты снижения рождаемости, подсветить необходимые структурные компоненты демографической стратегии в долгосрочной перспективе с учетом экономических и неэкономических стимулов, оказывающих влияние на репродуктивные установки населения в репродуктивном возрасте.

Говоря о будущем развитии исследований, оно видится в расширении эмпирической базы за счет изучения поведенческих и институциональных факторов, в том числе в региональном разрезе. При этом особое внимание следует уделить рассмотрению и разработке типологии репродуктивных стратегий и механизмов формирования намерений родительства в условиях демографического перехода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Werding M. Children are costly, but raising them may pay: The economic approach to fertility // Demographic Research. – 2014. – Vol. 30(8). – P. 253–276. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2014.30.8>.
2. Goldin C. The Quiet Revolution That Transformed Women's Employment, Education, and Family // AEA Papers and Proceedings. – 2006. – Vol. 96(2). – P. 1–21. (Richard T. Ely Lecture).
3. Waring M. If Women Counted: A New Feminist Economics. – New York: HarperCollins, 1990. – 416 p.
4. Jayachandran S. Social Norms as a Barrier to Women's Employment in Developing Countries // IMF Econ Rev. – 2021. – Vol. 69(3). – P. 576–595. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41308-021-00140-w>.

5. McDonald P. Gender Equity in Theories of Fertility Transition // *Popul Dev Rev.* – 2000. – Vol. 26(3). – P. 427–439. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2000.00427.x>.
6. Brewster K. L., Rindfuss R. R. Fertility and Women's Employment in Industrialized Nations // *Annu Rev Sociol.* – 2000. – Vol. 26. – P. 271–296. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.271>.
7. UNFPA (United Nations Population Fund). State of World Population 2019: Unfinished business: the pursuit of rights and choices for all [Internet]. – New York: UNFPA; 2019. – 180 p. – URL: https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/UNFPA_PUB_2019_EN_State_of_World_Population.pdf (accessed 26 Jun 2024). (Cultural norms and fertility intentions” discusses the influence of cultural norms on fertility intentions).
8. Артеменко Е.К. Трансформация семейных ценностей белорусов в региональном контексте // *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* – 2019. – № 3. – С. 51–58.
9. Hart R. K., Bergsvik J., Fausch A., Kim W. Causal Analysis of Policy Effects on Fertility // CESifo Working Paper No. 10690 [Internet]. – Munich: CESifo GmbH, 2023 Oct [cited 2024 July 5]. – 35 p. Report No.: WP 10690. – URL: https://www.ifo.de/DocDL/cesifo1_wp10690.pdf.
10. Вишневецкий А. Г. Демографической политике необходимо научное обоснование // *Национальные проекты.* – 2007. – № 4(11). – С. 7–10.
11. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. – М.: [б. и.], 2000. – 416 с.
12. Злотников А.Г., Раков А.А. Современная демографическая политика Беларуси // *Социология: Научно-теоретический журнал.* – 2010. – № 3. – С. 116–128.
13. Головач А.А. Способы решения проблемных демографических вопросов в Республике Беларусь // *Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук.* – 2022. – Т. 67, № 1. – С. 7–14.
14. Бондаренко А.А. Демографическая политика в Республике Беларусь: реалии и перспективы // *Бизнес. Инновации. Экономика: сб. науч. ст.* – Минск: Ин-т бизнеса БГУ, 2024. – Вып. 9. – С. 41–48.
15. Томашевская Н.А. Мировой опыт государственного регулирования социально-демографического процесса старения населения: ключевые организации и документы // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки.* – 2020. – № 14. – С. 112–119.
16. Шахотько Л.П. Демографические проблемы Республики Беларусь и пути их решения // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* – 2011. – Т. 4, № 16. – С. 73–85.
17. Карчевская Е.Н. Демографический потенциал Республики Беларусь: основные тенденции развития // *Псковский региональный журнал.* – 2010. № 10. – С. 72–77.
18. Артюхин М.И., Пушкевич С.А. Демографическое развитие Беларуси: современное состояние и тенденции // *Материалы Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук.* – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 158–165.
19. Тетерева И.В. Анализ взаимосвязи и согласованности целей, задач и мероприятий государственной демографической политики Республики Беларусь // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки.* – 2019. – № 5. – С. 52–59.
20. Сечко Н.Н., Таранова Е.В. Демографическая политика Беларуси и России в контексте повышения качества жизни населения // *Социологический альманах.* – 2011. – № 2. – С. 182–191.
21. Тындик А.О. Образовательный фактор репродуктивного поведения населения: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2012. – 28 с.
22. Архангельский В.Н. Методологические вопросы исследования детерминации демографических процессов // *Детерминация демографических процессов: Демографические исследования.* – Вып. 21 / под ред. Н.В. Зверевой, В.Н. Архангельского. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 5–30.
23. Balbo N, Billari F. C., Mills M. Fertility in advanced societies: a review of research // *European Journal of Population / Revue Européenne De Démographie.* – 2013. – Vol. 29(1). – P. 1–38.
24. Buber-Ennser I., Fux B. Families in Austria: Partnerships, fertility intentions and economic situation in challenging times / eds. N. Neuwirth. – Bad Vöslau: Print Alliance, 2023. – 82 p. DOI: <https://doi.org/10.25365/phaidra.449>.
25. Вишневецкий А.Г., Денисов Б.П., Сакевич В.И. Контрацептивная революция в России // *Демографическое обозрение.* – 2017. – Т. 4, № 1. – С. 6–34. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i1.6986>.
26. Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // *Экономический журнал Высшей школы экономики.* – 2017. – Т. 21, № 1. – С. 145–182.
27. Gustafsson S. Optimal age at motherhood. Theoretical and empirical considerations on the postponement of maternity in Europe // *Journal of Population Economics.* – 2001. – Vol. 14(2). – P. 225–247. DOI: <https://doi.org/10.1007/s001480000051>.
28. Amuedo-Dorantes C., Kimmel J. The motherhood wage gap for women in the United States: The importance of college and fertility delay // *Review of Economics of the Household.* – 2005. – Vol. 3(1). – P. 17–48. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11150-004-0978-9>.
29. Kneale D., Joshi H. Postponement and childlessness – Evidence from two British cohorts // *Demographic Research.* – 2008. – Vol. 19(58). – P. 1935–1968. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.58>.
30. Pronzato D. Return to work after childbirth: Does parental leave matter in Europe? // *Review of Economics of the Household.* – 2009. – Vol. 7(4). – P. 341–360. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11150-009-9059-4>.
31. Fertility, pregnancy, and parenthood discrimination in the labour market: A systematic review / M. El Haj, S. Baert, L. Van Ootegem, E. Verhofstadt, L. Lippens // *IZA Discussion Paper No. 17435.* – November, 2024. – 46 p. – URL: <https://www.iza.org/publications/dp/17435/fertility-pregnancy-and-parenthood-discrimination-in-the-labour-market-a-systematic-review>.
32. Doepke M, Kindermann F. Bargaining over Babies: Theory, Evidence, and Policy Implications. – Human Capital and Economic Opportunity Working Group, 2016 [cited 2024 May 15]. Working Paper No. 2016-009. – URL: <https://ideas.repec.org/p/hka/wpaper/2016-009.html>.
33. Ermisch J. F. Purchased child care, optimal family size and mother's employment: Theory and econometric analysis // *Journal of Population Economics.* – 1989. – Vol. 2(2). – P. 79–102. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00522403>.
34. Gauthier A.H. Family policies in industrialized countries: Is there convergence? // *Population.* – 2002. – Vol. 57(3). – P. 447–474.
35. McDonald P. Gender equity, social institutions and the future of fertility // *Popul Res.* – 2000. – Vol. 17(1). – P. 1–15.
36. McDonald P. Gender equity in theories of fertility transition // *Popul Dev Rev.* – 2000. – Vol. 26(3). – P. 427–439.

37. Olivetti C., Petrongolo B. The economic consequences of family policies: lessons from a century of legislation in high-income countries // *Econ Perspect.* – 2017. – Vol. 31(1). – P. 205–230.
38. Duvander A.-Z., Ferrarini T., Thalberg S. Swedish parental leave and gender equality: Achievements and reform challenges in a European perspective: Arbetsrapport // Institutet för Framtidsstudier. – 2005. – Vol. (11). – P. 1–31. – URL: http://www.framtidsstudier.se/wp-content/uploads/2005_011filU8YIJLRAaC7u4FV7gUmy.pdf.
39. Basso A. Gender equality and fertility: evidence from Italian provinces: working paper. – Plymouth Business School, University of Plymouth. Plymouth, 2017. – 30 p. – URL: <https://pearl.plymouth.ac.uk/handle/10026.1/8752>.
40. Baizan P., Arpino B., Delclós C.E. The effect of gender policies on fertility: The moderating role of education and normative context // *European Journal of Population.* – 2016. – Vol. 32(1). – P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-015-9356-y>.
41. Fanelli E., Profeta P. Fathers' involvement in the family, fertility, and maternal employment: Evidence from Central and Eastern Europe // *Demography.* – 2021. – Vol. 58(5). – P. 1931–1954. DOI: <https://doi.org/10.1215/00703370-9411306>.
42. Farré L., González L. Does paternity leave reduce fertility? – Revised Version: May, 2018 (June 2017). – Barcelona GSE Working Paper Series, Working Paper N° 979.
43. Becker G. S., Lewis H. G. On the interaction between the quantity and quality of children // *The Journal of Political Economy.* – 1973. – Vol. 81(S2). – P. 279–288. DOI: <https://doi.org/10.1086/260166>.
44. Naz O., Nayab, Ibrahim M., Khan A., Khan A. A. How investment in children shape fertility choices of families: Evidence from Pakistan // *PLOS Global Public Health.* – 2024. – Vol. 4(12): e0003957. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pgph.0003957>.
45. Gauthier A. H., de Jong P. W. Costly children: the motivations for parental investment in children in a low fertility context // *Genus.* – 2021. – Vol. 77(1). DOI: <https://doi.org/10.1186/s41118-020-00111-5>.
46. Sakata K., McKenzie C. R. Does the expectation of having to look after parents in the future affect current fertility? // *Journal of Demographic Economics.* – 2022. – Vol. 88(3). – P. 283–311. DOI: <https://doi.org/10.1017/dem.2020.35>.
47. Борнукова К., Львовский Л. Демография как вызов для экономического роста // *Банковский вестник.* – 2020. – № 3(680). – С. 31–35.
48. Малева Т.М., Синявская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // *SPERO. Социальная Политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры.* – 2006. – № 5. – С. 70–98.
49. Бирюкова С.С., Макаренцева А.О. Оценки «штрафа за материнство» в России // *Население и экономика.* – 2017. – Т. 1, № 1. – С. 50–70.
50. Blackburn M. L., Bloom D. E., Neumark D. Fertility timing, wages and human capital // *NBER Cambridge.* – M.A.: National Bureau of Economic Research, 1990. – DOI: <https://doi.org/10.3386/w3422>.
51. Schmidt L. Murphy Brown revisited: human capital, search and nonmarital childbearing among educated women [unpublished manuscript]. – University of Michigan, 2002.
52. Martin S. P. Diverging fertility among U.S. women who delay childbearing past age 30 // *Demography.* – 2000. – Vol. 37(4). – P. 523–33. DOI: <https://doi.org/10.1353/dem.2000.0009>.
53. Caucutt E. M., Guner N., Knowles J. Why do women wait? Matching, wage inequality, and the incentives for fertility delay // *Rev Econ Dyn.* – 2002. – Vol. 5. – P. 815–55. DOI: <https://doi.org/10.1006/redy.2002.0191>.
54. Heckman J. J., Walker J. R. The relationship between wages and income and the timing and spacing of births: Evidence from Swedish longitudinal data // *Econometrica.* – 1990. – Vol. 58(6). – P. 1411–41. DOI: <https://doi.org/10.2307/2938322>.
55. Mu Z, Xie Y. ‘Motherhood penalty’ and ‘fatherhood premium’? Fertility effects on parents in China // *Demogr Res.* – 2016. – Vol. 35(47). – P. 1373–1410. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2016.35.47>.
56. Cigno A. *Economics of the Family.* – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 212 p.
57. Gupta N. D., Dubey A. B. Poverty and fertility: An instrumental variables analysis on Indian micro data // *Working Papers 03-11.* Aarhus University, Aarhus School of Business, Department of Economics. Aarhus, 2003. – 50 p. – URL: https://econpapers.repec.org/paper/hhsaareco/2003_5f011.htm.
58. Сарвари Р. Д. Демографическая устойчивость: показатели и их влияние на социально-экономическое развитие // *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: сб. науч. ст. / отв. ред. О.А. Козлова.* – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2024. – С. 354–367.

Поступила 10.03.2026

A SOCIO-ECONOMIC STUDY OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC SECURITY

R. SARVARY

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

This article presents a theoretical and methodological study of reproductive behavior, intentions, and fertility factors in the context of their impact on socio-economic development and demographic security. It analyzes the need to create an inclusive environment for expectant parents and compensate for the costs associated with parenting. The study is based on a spatio-temporal analysis of statistics for 2008–2024 (some indicators since 1970) on fertility, marital and family dynamics, and age-specific rates. The empirical section assesses the state of the fertility rate and the socioeconomic consequences of its dynamics using the Republic of Belarus as an example, taking into account international experience. It is shown that fertility is closely linked to the economic and non-economic interests of households. Proposals for an institutional model for stimulating fertility are systematized. Key features of demographic development are identified: declining fertility, population aging, increasing delayed motherhood, and changing family attitudes. The need for systemic measures to reduce the costs of parenting is emphasized.

Keywords: reproductive behavior, reproductive intention, fertility, demographic transition, fertility promotion, demographic security.